

Глава 24. Болезнь наслаждения

Лю Тяньцзяо застыл в изумлении.

— Вчера ведь всё было в порядке. Чем это он занемог?

— Болезнью наслаждения, — ответили ему.

Тяньцзяо недоуменно нахмурился:

— Что ещё за болезнь такая?

— Да такая же, каким вы с мужем в брачную ночь наслаждались, — кто-то из толпы хохотнул, прикрыв рот ладонью. — Сначала-то скрывали всё, да только утром Вдова Цянь тоже к лекарю Лю прибежала. Говорят, её там так разделали, что живого места не осталось, всё воспалилось. А как прознала, что Лю Лаосань при смерти, так сразу в дом старой семьи Лю и ломанулась — денег на лечение требовать.

Только теперь до сельчан дошло: эти двое уже давно крутили шуры-муры за спиной у жены Третьего Лю. Ситуация выходила потешная: Вторая невестка, Сяо Цянь-ши, и Вдова Цянь были родными сёстрами. Теперь, когда вдова подняла такой шум, Гуань-ши наверняка возненавидит и свою невестку до глубины души.

«Ну и дела...»

Тяньцзяо покачал головой.

В деревне замужние женщины в шутках границ не знали, и юноша, с детства ошивавшийся среди взрослых, чаще всего слышал присказку: «Усердный бык скорее сдохнет, чем пашню испортит».

«Но если уж пашня пришла в негодность, каково же тогда быку?»

Тяньцзяо невольно передернуло.

— Как же его так угораздило?

— Кто ж знает? Видать, страсть полыхнула так, что искры во все стороны полетели.

Кто-то из мужиков, что посметливее, вставил своё слово:

— Сдаётся мне, дело тут нечисто. Будь это обычный удар на лошади, так Лаосань ещё молодой, не должен был так просто загнуться. Тут наверняка скрыто что-то ещё.

— Да что там может быть скрыто? Неужто их извести кто-то хотел?

— А почему бы и нет? Может, кто прознал про их грешок да и подсыпал чего в еду?

Толпа притихла. Одно дело — сплетни о блуде, и совсем другое — яд, от которого человек при смерти. Кто бы ни был этот злодей, рука у него оказалась тяжелой.

Вэй Вэнькан, как человек книжный, слушать подобные мерзости дольше не мог.

— Тяньцзяо, в поле ещё работы много. Пойдём, — тихо позвал он.

Наговорившись вволю, Тяньцзяо не стал задерживаться и зашагал следом за мужем, решив, что обсудит всё с Шао Чжуаном во время отдыха. Он и представить не мог, что к тому времени в старом доме Лю уже разразится настоящая буря.

Пока супруги трудились в поле, Вэнькан, с детства не привыкший к тяжелому труду, быстро выбился из сил. Не успел он и десяток раз взмахнуть мотыгой, как руки заныли так, будто вот-вот отвалятся.

Тяньцзяо, глядя на его мучения, не знал, то ли сердиться, то ли жалеть. Благо, хоть сючай и был неуклюж в работе, но лениться не смел, и постепенно дело у него пошло быстрее.

Когда солнце достигло зенита, Тяньцзяо разбил последний твердый ком земли и громко окликнул работавшего позади мужа:

— Всё, на сегодня хватит! Домой!

Вэнькан поднял голову, отирая пот, заливавший глаза. Сил на слова уже не осталось, он лишь слабо выдохнул:

— Угу.

Тяньцзяо ничуть не удивился его изможденному виду:

— В первый день всегда так. Сейчас поедим, отдохнёшь, а через пару дней втянешься, привыкнешь.

Юноша кивнул. По сравнению с теми днями, когда он в одиночестве изнывал от голода, не видя просвета в будущем, жизнь, где есть и сытный обед, и честный труд, казалась ему благословением.

На обратном пути, проходя мимо огорода Сюй Цзяоян, Тяньцзяо сорвал пучок свежей зелени — ровно столько, чтобы хватило на обеденный суп.

Тан Сюй-ши, узнав о разоренном саде Тяньцзяо, не раз наказывала ему брать овощи с их поля сколько душе угодно. Тяньцзяо был благодарен, но, несмотря на разрешение, лишнего не брал. В деревне овощи хоть и не считались редкостью, всё же помогали набить пузо вместе с грубым рисом или шли на корм скотине — ни одна травинка не пропадала зря.

Глядя на скромную горсть зелени в руках, Тяньцзяо невольно вздохнул:

— Раньше у нас огород всегда полнился, я и не думал никогда, что раздобыть овощей будет так сложно. Теперь они будто золотые стали.

Вэнькан, прекрасно знавший, в каком состоянии их участок, подбодрил его:

— Вот посеем озимую пшеницу, тогда и за огород возьмёмся. Посадим зелень, капусту — они быстро в рост пойдут, оглянуться не успеешь, как свои овощи на столе будут.

Тяньцзяо приободрился:

— Твоя правда. Если человек трудится, земля не ленится. Всё вырастет.

Дома, отложив мотыги, оба чувствовали себя вконец измотанными. Ополоснув руки и ноги холодной водой и жадно выпив по кружке остывшего кипятка, они наконец опустились на скамьи.

— Эх, был бы в хозяйстве вол, — потянулся Тяньцзяо. — Вспахали бы всё вмиг.

Вэнькан понимал, каких денег стоит скотина:

— Разделаемся с делами в ближайшие дни, и я схожу в город, поищу какую-нибудь подработку. Надо же денег в дом подкопить.

«А он быстро соображает, — подумал Тяньцзяо с улыбкой, — уже о семейном бюджете печется»

— Буду ждать. Ты посиди пока, отдохни, а я обед соображу. Что хочешь съесть?

Муж поднялся следом:

— Давай что попроще, ты ведь тоже устал. Я помогу тебе с огнем в печи.

Тяньцзяо замахал руками:

— Сиди-сиди, отдыхай. С непривычки если перетрудишься — всё тело разболится, лежать пластом будешь.

Вэнькан теперь был единственным помощником в доме, и Тяньцзяо скорее сам бы себе оплеух надавал, чем позволил супругу надорваться в первый же день.

Мясных шариков, оставшихся с утра, было ещё достаточно, так что Тяньцзяо решил сварить их вместе со свежей зеленью. Затем он отыскал сушеные баклажаны, заготовленные на зиму, размочил их и выложил поверх риса прямо в котел. Когда всё пропарилось, он добавил мелко нарубленный чили, чеснок и соль, а сверху плеснул раскаленного масла. Пряный аромат мгновенно заполнил кухню.

У того от усталости совсем пропал аппетит, но, почуяв этот запах, он невольно сглотнул слюну.

Тяньцзяо первым делом налил каждому по миске супа:

— Пробуй скорее. Цзяонян только недавно эту зелень сорвала, она нежная-нежная.

Вэнькан не удержался и сделал большой глоток. Свежесть зелени идеально дополняла наваристый вкус мяса — суп получился ароматным, но не жирным. Аппетит вернулся мгновенно.

— Вкусно!

— Рад, что нравится, — улыбнулся Тяньцзяо. — Теперь отведай баклажаны. Жаль, уксус в доме кончился, с кислинкой было бы ещё лучше.

— И так просто замечательно.

Обед оказался настолько по вкусу Вэнькану, что он, вопреки своему намерению быть сдержанным, наелся досыта. Вместе они перемыли посуду и завалились на кровать.

То ли вчерашние страшилки ещё не выветрились из головы, то ли усталость взяла своё, но Тяньцзяо не заикнулся о разных постелях, а Вэнькан и подавно промолчал. Протрудившись всё утро, они мгновенно провалились в глубокий сон.

К сожалению, отдых длился недолго — их разбудил чей-то истошный вопль. Тяньцзяо, нахмурившись, выругался сквозь зубы:

— Похоже, там стряслось чего. Ты спи, а я пойду гляну.

Вэнькан тоже поднялся:

— Куда там спать. Пойдём вместе, кричат вроде как со стороны старого дома.

И впрямь — когда они подошли, у ворот усадьбы Лю уже собралась толпа сельчан.

Тяньцзяо схватил за локоть знакомую женщину:

— Тётушка Ма, что тут за шум? Что опять случилось?

Та прошептала, не сводя глаз с дверей:

— Да с твоим Третьим дядей история завертелась. Теперь Вторая и Третья семьи сцепились, ключья во все стороны летят!

— Что, дядя помер? Так быстро? — ахнул Тяньцзяо.

— Да бог с тобой, что ты такое говоришь! — Тётушка Ма знала о натянутых отношениях Тяньцзяо со стариками, но это не мешало ей с упоением делиться новостями. — Живой он пока. Лекарь в городе сказал, что силен он телом, потому и выкарабкался. Да только нутро у него теперь совсем пустое, восстанавливаться будет годами. И денег на лекарства уйдёт — уйма! Женьшень нужен, астрагал... батюшки мои, разорение одно!

— А Вторая семья тут при чём?

— Так ведь Вдова Цянь — родная сестра Сяо Цянь-ши из второго дома. Вот Гуань-ши и кричит, что они с сестрицей сговорились и бедного Лаосаня в ловушку заманили.

Тяньцзяо задумчиво потер подбородок:

— Звучит как-то притянуто. Чего ж они так лютуют?

— Так это ещё не всё! Оказывается, дело и тебя касается.

Тяньцзяо опешил:

— Меня? Я-то тут каким боком? Я два дня со свадьбой да с огородом возжусь, мне до их дрызг и дела нет.

— Так из-за свадьбы всё и вышло!

— Неужто Вдова Цянь, глядя на меня, тоже захотела замуж за дядю выйти?

— Да нет же! — Тётушка Ма подтянула Тяньцзяо поближе. — Поговаривают, что Третий Лю с той вдовой так неистово кувыркался, потому как снадобья какого-то принял. А снадобье то, скорее всего, в тех объедках было, что вы после пира раздавали.

— Быть не может! — отрезал Тяньцзяо. — Если бы они от моей еды пострадали, так уже вчера бы пороги оббивали.

— Мы тоже так думаем, да только слух этот от старшей невестки старосты пошёл, она зря болтать не станет.

Вэй Вэнькан нахмурился:

— Наверняка это ошибка. Людей на пиру было множество, почему же пострадал только Третий дядя?

— Твоя правда, сюцай. Да только Лю Лаосань клянётся и божится, что кроме вашей еды вчера маковой росинки во рту не держал.

Деревенские жили бедно, иные на пиры ходили с расчётом наесться на три дня вперед. Вот и семьи Лю, кроме младшей, в день свадьбы с утра ничего не ели, берегли место.

Впрочем, доносившиеся из-за ворот крики вскоре всё прояснили.

Гуань-ши выла и поносила всех на чём свет стоит:

— А я-то, дура, радовалась, когда Вторая невестка нам мясо да вино принесла! Думала — от чистого сердца... А она, ведьма, специально нам ловушку подстроила! Столько дурмана в вино влить — это ж как брата родного извести надо было?!

Сяо Цянь-ши тоже в долгу не осталась:

— Ты сама увидела еду да из рук у меня её вырвала! Вино доброе выпили, мясо сожрали, а теперь я же и виновата?! Да я чище любого снега, напраслину ты на меня возводишь!

— Лаосань только твои объедки ел, и путался он с сестрой твоей родной! Как тут не виновата?! Ты это нарочно задумала, чтобы семью нашу сгубить!

— Да ту еду все ели! Почему же только твоему муженьку поплохело? Видать, у него самого нутро гнилое было, а теперь на нас свалить хочешь!

Второй Лю поддакнул жене:

— Все мы одна семья, невестка, не бери грех на душу, не клевети.

Гуань-ши зашлась в истошном плаче:

— Ой, люди добрые, что ж это делается! Совсем совести у них нет! Батюшка, матушка, неужто вы смотреть будете, как сына вашего изводят, и слова не скажете?!

Старик Лю чувствовал себя так, будто его в грязи вываляли:

— Успокойся, жена Лаосаня. Доказательств у тебя нет, что мы сказать можем?

Старуха Лю, хоть и любила всех сыновей, но к Второму была благосклоннее:

— Еду ты сама взяла. Мы то мясо тоже ели, и ничего — живы-здоровы. Как оно могло быть плохим?

— Так ведь вино было другое! — осенило Гуань-ши.

Она тотчас бросилась в дом и вскоре вернулась, сжимая в руках кувшин.

— Лаосань говорил, что это вино особенное, не чета обычному! — воскликнула она. — Наверняка в нём вся беда! Я его сейчас же в город повезу, лекарю покажу, пусть проверит!

<http://bllate.org/book/15343/1372760>